

Валерий Каменев

Крутой

вираж...

Валерий Каменев

Крутой вираж...

«Accent Graphics communications»

2014

Каменев В.

Крутой вираж... / В. Каменев — «Accent Graphics communications», 2014

Завязка сюжета основана на реальных событиях начала 60-х годов. С военного аэродрома Бессарабии происходит несанкционированный взлет реактивного истребителя, который уходит в сторону Турции. Случай уникален тем, что угон самолета был произведён не профессиональным пилотом. Что это? Попытка эффектного самоубийства человека с нездоровой психикой? Предательство? Чем еще может руководствоваться человек, решаясь на поступок с шансом на выживание почти нулевым? Собственно, сюжет повести как раз и отвечает на поставленные вопросы. Говорят: «Человек родом из детства». Наверное. Но с годами в нем все в большей степени отражаются пережитые события и чувства. Несмотря на ничтожно малый шанс успеха, перелёт удаётся. Для спецслужб США Виктор не представляет особого интереса, и ему не препятствуют в поиске отца, который пропал без вести в корейской войне. Так о чем повесть? О перелете советского офицера за рубеж? Не только. О жизни пилотов и рядовых (техников, механиков) авиации? И об этом. О приключениях, выпавших на долю «героя» повести, оказавшегося в Америке? Безусловно. Но главное – о жизни. О жизни человека в конкретно сложившихся не простых обстоятельствах. О дружбе и предательстве. О несбывшихся мечтах и разочарованиях.

© Каменев В., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Крутой вираж техника Соколова	5
Вместо предисловия	5
Часть I	8
Гл. 1. На взлет	8
Гл. 2. Покой нам только снится	11
Гл. 3. Со снижением в сторону моря	15
Гл. 4. Начало пути, начало разочарований	17
Гл. 5. Оперившиеся «соколята»	23
Гл. 6. В авиации, как в авиации	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валерий Каменев

Крутой Вираж...

Повести, рассказы, новеллы

Крутой вираж техника Соколова

Повесть

Вместо предисловия

Период конца пятидесятых – начала шестидесятых годов прошедшего столетия был характерен значительными послаблениями в проведении официальных идеологических установок Советского Союза. Расширились культурные контакты с Западом. У советских людей стали появляться возможности для знакомства с западным образом жизни. В ряде случаев сравнение было не в нашу пользу. Некоторые представители молодого поколения чутко уловили новые веяния времени. Среди интеллигенции и творческих молодых людей появились люди, которые в истории страны оставили свой след под именем «шестидесятники». Это движение, в целом, не было направлено против социалистического образа жизни, его лозунгом было: расширение свобод во всех сферах жизни нашей страны.

Появились и «диссиденты» – люди несогласные с официальными идеологическими догмами. Фактически, они бросали вызов руководящей роли Партии. Сами по себе, они не представляли какой либо серьезной угрозы существующему советскому строю. Но их слишком вольные высказывания, преклонение перед Западом оказывали разлагающее влияние на молодежь и в этом смысле вредили пропаганде советского образа жизни.

Советские (партийные) власти пытались с ними бороться привычными репрессивными методами. Тем самым лишь усиливая диссидентство.

Появились первые перебежчики: туристы, артисты, спортсмены. И что уж совсем для власти противно – военные! Летчики и моряки. Перелеты советских летчиков за границу – случаи далеко не единичны (зафиксировано два десятка).

Все они были объявлены предателями или сумасшедшими. Слово «предательство» – жесткое обвинение, оно не предполагает смягчающих обстоятельств. Предательство – сознательный переход на сторону врага, наносящий ущерб своей стране.

По прошествии времени акценты в оценках людей и их поступков сильно смещаются. Сегодня к артисту балета Нуриеву, шахматисту Корчному и другим людям искусства и спорта, «перебежавшим» на Запад не принято предъявлять подобных обвинений. В то же время, бегство из страны военных офицеров, безусловно, всегда остается предательством, независимо от исходных мотивов.

Смею предположить, что далеко не все случаи бегства советских офицеров за границу связаны с сознательным переходом на сторону противника. Причины, побудившие к подобному решению, были у каждого свои, и, как правило, они диктовались не стремлением служить против своей страны, а попыткой таким образом решить свои личные проблемы. Они сознательно шли на смертельный риск. Возможно, поиск смерти и был для некоторых таким решением.

Каждый такой случай имел, как правило, свою человеческую предысторию. Для одних – это был глубокий нервный срыв на фоне личных семейных, бытовых или служебных неуря-

диц. Для других – мотивы легкомысленного отношения к жизни, слабые моральные качества, сиюминутный порыв. Лихие ребята, одним словом. Каскадёры по жизни. Или беспредельно увлечённые. Самое подходящее определение для таких: «Всадники без головы».

К последнему варианту может быть отнесён случай с капитаном 3-го ранга Николаем Артамоновым, когда он 7 июля 1959 года бежал в Швецию из польского порта Гдыня, где находился в составе советской эскадры. Артамонов в свои тридцать лет уже командовал одним из эсминцев Балтийского флота и считался весьма перспективным офицером.

Судьба свела его с двадцатидвухлетней полькой-красавицей Евой Гурой (Бланка) и капитан потерял голову. Возможность обретения счастья с любимой затмила капитану всё остальное – чувства долга перед Родиной, перед своей семьёй (в Ленинграде остались его жена и сын).

Артамонов под предлогом рыбалки вышел в море на служебном катере вместе со своей любовницей.

Как показал на следствии моторист катера Илья Попов, Артамонов заставил его следовать в Швецию под угрозой применения оружия. Когда же они прибыли туда, то Артамонов приказал Попову возвращаться домой, что тот и сделал. Артамонов и Ева Гуря обратились к шведским властям с просьбой о политическом убежище и через считанные дни его получили.

Что тут комментировать? Большая любовь, которую не способны остановить никакие препятствия, никакие границы! Слава всепобеждающей силе любви?!

Казалось бы. Возможно, капитан потерял голову, действительно, из-за любви. Но был бы он хотя бы шахматистом или артистом. А так: как не крути – предательство.

Что было дальше? Артамонов был вывезен в США и завербован американской разведкой. Специальным актом конгресса получил американское гражданство. Работал в разведуправлении Министерства обороны США.

По некоторым сведениям Артамонов погиб в декабре 1975 года при не до конца выясненных обстоятельствах (предпринималась попытка вернуть его в Советский Союз). Вот такая любовь. Личная драма, приведшая к трагедии предательства и гибели.

Самым известным советским легчиком – перебежчиком был старший лейтенант Беленко, который в сентябре 1976 года на «супер» истребителе-перехватчике МиГ-25 перелетел на японский остров Хоккайдо. История его жизни и перелёта совершенно не схожа с историей Артамонова. Мотивы же его психологического срыва, приведшие к перелёту, при желании, могут быть понятны исходя из предшествующих обстоятельств жизни. Кроме того, следует иметь в виду, что секретный «супер» истребитель МиГ-25, не настолько был и уникален: по летным характеристикам ему не уступал американский разведывательный самолёт SR-71 (против которого МиГ-25, по существу, и создавался). Что касается бортовой электроники, то её советский уровень уже тогда значительно проигрывал американцам, да и не только им.

Из служебной характеристики Беленко: русский, член КПСС, родился в 1947 году в рабочей семье. С двухлетнего возраста остался без матери – воспитывался у родственников, затем у отца с мачехой. Окончил среднюю школу с серебряной медалью. Занимался в аэроклубе ДОСААФ, затем поступил в Армавирское высшее училище летчиков и окончил его в 1971 году. Стремился летать. Повышать квалификацию. В служебных характеристиках и аттестациях на всем протяжении службы в армии характеризовался положительно. Изменнических настроений не проявлял. Зато проявлял недовольство начальством, которое без веских оснований (по его мнению) «зажимало» его служебный рост и потворствовало пьянству. На это реагировал болезненно. Был вспыльчив и импульсивен.

По всему видно, что к перелёту причастны: сложная судьба и непростой характер (собирался разводиться с женой), отношения с начальством, нервный срыв. В то же время к Беленко с полным основанием может быть применено обвинение в сознательном переходе на сторону противника. Ущерб, нанесенный им стране, был оценен в 2 млрд долл. До настоящего времени отсутствуют доказательства его вербовки иностранными разведками. Впрочем, нет основания

и исключать подобный вариант (подчеркнём, что в данном случае автор высказывает своё личное мнение, основанное на изучении открытых опубликованных источников).

Беленко, также как и Артамонов, был заочно приговорен к расстрелу (приговор не реализован).

Когда после побега Беленко в Чугуевку (гарнизон, в котором служил Беленко) нагрянули многочисленные комиссии, высокие проверяющие увидели собственными глазами, в каких непотребных условиях живут летчики-истребители, элита вооруженных сил государства. После этого в гарнизоне началось лихорадочное строительство нормального военного городка – пятиэтажек, детского сада, школы, дома культуры. Выводы делать читателю.

Многое ли изменилось на постсоветском пространстве? Можно вспомнить «Курск» и лихорадочное обновление условий жизни моряков в гарнизоне «Ведяево» после катастрофы.

Жизнь профессиональных военных в Советском Союзе всегда была сопряжена со скудными условиями быта, досуга и отдыха, с множеством житейских проблем, разрастающихся по ходу службы. Так что причин для возникновения напряженных ситуаций в многограннике: офицер – быт – семья – профессиональная деятельность – отношение с командирами – предостаточно. И стрессовые ситуации – дело обычное. Кто-то находит выход в карьерном росте, другие – в спиртном. Отчаявшиеся идут порой на самые крайние меры.

Среди попыток использования боевого самолета для перелёта за рубеж имеются и случаи, когда на такой отчаянный шаг решались люди, не владеющие лётной профессией. Известны, по крайней мере, два подобных случая. В мае 1973 года авиатехник лейтенант Вронский взлетел на самолете Су-7БМ с авиабазы Гроссенхайн (Группа советских войск в Германии). «Пилот» не имел практических лётных навыков, зато усиленно тренировался на тренажере. Попытка посадки самолета ему не удалась, и он катапультировался. Самолет упал на лесной массив у города Брауншвайг.

Второй случай произошёл на аэродроме Сарата (Бессарабия) весной 60-го года, о котором известно, что авиатехник Воробьёв при подготовке самолёта типа МиГ-17 в дежурном звене взлетел в воздух и «скрылся в сторону моря». Этот случай и лёг в основу написания данной повести. При этом документальная часть повести одним этим эпизодом и ограничивается. Всё связанное с жизнью лётной части и, главным образом, с «особенностями русской системы инженерно-технического обслуживания» самолётов почерпнуто из личного опыта автора, служившего в строевых частях в должности авиационного техника и имеющего «богатый» опыт эксплуатации самолётов типа: МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19 и МиГ-21.

«Герой» повести в полной мере, что называется, «наелся» армейской жизни. Сильный характер до последнего не позволял ему отступать от поставленной цели. Этот же характер привел к решению сойти с «намеченной дистанции» когда он понял, что цель становится недосягаемой.

Что привело человека, воспитанного на идеях патриотизма и верности долгу, к роковому смертельно опасному решению? В каких условиях формировалась личность нашего «героя»? Проследить психологическую трансформацию личности – таков авторский замысел.

Наш «герой» в начале жизненного пути и к моменту своего крутого решительного шага – совершенно разные люди. По психологическому типу, по восприятию жизни. Собственно, по-видимому, это применимо к любой человеческой истории. Говорят: «человек родом из детства». Наверное. В каком-то смысле. Но с годами человек все в большей степени становится отражением пережитых событий и чувств. Образа жизни и порядка вещей в атмосфере своего существования.

Часть I

Когда на тебя обрушивается много всего, больше, чем ты в силах вынести, ты, может стать, предпочтешь делать вид, будто ничего особенного не происходит, и твоя жизнь как катилась, так и катится по проторенной дороге.

Но в один прекрасный день обнаруживается: то, что ты принимал за проторенную дорогу, ровную, гладкую, без ям и рытвин, на самом деле трясина, топь.

Сол Беллоу

Гл. 1. На взлет

Пора. Наступал первый, самый ответственный момент осуществления задуманной операции. Через десять минут станет ясно: операция начинается, или она сразу переходит в завершающую фазу с легко предсказуемыми последствиями. Скорее всего, в фазу смертельного поражения. Теперь размышлять и думать уже некогда. Все думы остались позади. Виктор настраивался: действовать без эмоций, как автомат. Усиленно внушал себе: все продумано и он хорошо подготовлен. Однако и расслабляться нельзя.

Никто не заметил, как он вышел из дежурного домика и направился к самолетам.

Погода в марте неустойчива. Вчера еще было солнечно, остатки рукотворных сугробов, что накопились за зиму возле стоянки самолетов, скукожились, почернели и, казалось, доживают последний день. Сегодня пасмурно, похолодало. В Бессарабии в это время года часто бывает ветрено и сыро. Сырой морской воздух принес низкую облачность и легкую дымку. Накрапывал мелкий дождь. Но видимость приличная – не менее тысячи метров. Взлетно-посадочная полоса (ВВП) просматривалась наполовину. Нижний край сплошной облачности – метров пятьсот. Толщина облачного слоя – не более двухсот метров. Со сводкой метеослужбы Виктор сумел ознакомиться. Облаков он не боялся. Такой слой пробивается за считанные секунды. Характеристики МиГ-17 знал наизусть. Обошел вокруг самолета, посмотрел в сторону будки часового. Утром Виктор угостил его фляжкой со спиртом и предупредил, чтоб он на посту не пил. Кто устоит? Часовой, обхватив двумя руками карабин, в какой-то странной позе – полусидя спал в своей будке. Смена – не ранее полчаса. Вполне достаточно.

Виктор залез в кабину АПА (автомобильный пусковой агрегат). Угостил водителя сигаретой:

– Что, мёрзнешь?

– Да так.

– Сам откуда?

– Да я почти местный, из Одессы.

– Значит Жора из Одессы. Мы с тобой почти земляки. Я сам из Николаева.

– Приятно познакомиться, только я не Жора, я Саша.

– Хорошо, Саша. Сейчас погреешься. Мне нужно запустить двигатель. Проверить работу генератора. Напряжение иногда прыгает. После запуска по моей команде отсоединишь жгут питания. Я пару минут погоняю и всё. Если будет плохо, вызову электриков – пусть регулируют. Потом погреешься у сопла.

– А что, утром, когда готовили машину, не проверили?

– Да, утром не стал долго гонять. Техник звена прицепился бы – что, мол, неисправную машину дал на дежурство. Договорились?

– Ладно.

Виктор по стремянке поднимается к фонарю (прозрачная часть – «колпак») кабины, откатывает его назад, открывая доступ к сидению лётчика, быстрыми профессиональными движениями вынимает чеки, блокирующие стреляющий механизм катапульты, и опускает их в карман комбинезона. Перегнувшись в кабину, быстро включает все необходимые тумблеры, кроме одного – питание. Последняя подготовительная операция – проверка стояночных тормозных колодок. Их всегда положено проверять перед запуском. Под видом проверки слегка отодвигает их от колес и к каждой из них карабином присоединяет тонкий фал длиной в пять метров. Конец правого фала просто забрасывает в кабину, левого, вновь поднявшись по стремянке, незаметно закрепляет в кабине за левый поручень сиденья.

Самолёт готов. Жестом дает водителю сигнал на запуск. Автогенератор зарычал – это точка отсчета. Сейчас он привлечет к себе внимание тех, кто остался в дежурном домике. Пока сообразят, пока подбегут, пройдет полторы – две минуты. Запуск – сорок секунд. Да еще на последние приготовления – секунд двадцать. Резерв – тридцать секунд. Все просчитано заранее. Только бы не сорвать запуск. Виктор аккуратно начинает открывать стоп-кран. Есть! Пошло характерное урчание – двигатель «схватил». Теперь не спешить и также плавно продолжить движение стоп-крана. Стал нарастать свистящий звук, переходящий в характерный рев, когда двигатель набирает полные обороты.

Последние действия: сигнал Саше – отключай! Тот отсоединяет кабель наземного питания. Включил оставшиеся, необходимые для полета, тумблеры. Отработанным движением (тренировался) выдёргивает за фалы тормозные колодки из под колес, и отбрасывает фалы в стороны. Застегивает ремни парашюта. Надевает заранее приготовленный шлемофон, и подсоединяет его к разъему рации – слушать эфир. Задвигает фонарь и герметизирует кабину. Правая рука на ручке управления, нащупывает тормозной рычаг.левой двигает сектор газа вперед, и самолет начинает движение. Боковым зрением отмечает – из дежурного домика выбегают люди, но самолет уже бежит по рулёмке. Виктор с притормаживанием двигает педалями – самолет разворачивается в сторону ВПП. Вот и зона старта. Выпускает закрылки во взлетное положение.

Убеждается, что вышли. Включает часы. Все. Педали нейтрально, ручка нейтрально. Полный газ, форсаж. Поехали!

Все внимание на указатель скорости: 80, 120, 150, 160, 180 – пора. Легким движением берет ручку на себя, нос самолета задирается вверх – оторвалась передняя стойка. Удерживает ручку в том же положении. Половина ВПП позади. Скорость уже 210. Когда же, наконец? Не успел подумать, земля стала уходить вниз. Шасси – на уборку! Есть – загораются зелёные лампы уборки стоек шасси.

Самолет резко идет в набор высоты. Немного отдать ручку от себя. Так. Убрать закрылки, Виктор ищет рычаг уборки – не перепутать со стоп-краном, они расположены рядом (что б их, конструкторов!). Закрылки убраны. Высота – 400, скорость – 500. Сначала разгон, потом пробивать облака.

Скорость 700. Пора. Мягко ручку на себя – самолет пошел в набор. Клочки облаков проносятся мимо как вихрь, самолет в сплошном тумане. Взгляд на авиагоризонт – держать линию горизонта, на вариометр – набор высоты продолжается. Десять секунд, как вечность.

Все, выскочил – облака снизу, вокруг бескрайнее небо. Пот заливал глаза, но расслабляться нельзя. Сколько прошло? Три минуты. Это уже больше 10 км от аэродрома. Ручка вправо – правый разворот. Влево нельзя – там зона другого аэродрома. Хотя там истребители не базируются, но чем чёрт не шутит.

В наушниках шлемофона слышен ор, мат. Руководитель полетов с командиром дежурного звена выясняют отношения. Фамилию Виктора – Соколов склоняют. Диспетчер докладывает, что Соколов улетел в Одессу. Какую Одессу? Из дежурного звена взлетел технарь Соколов! Ах, это другой Соколов улетел в Одессу? Какой еще? Инструктор из армии? Трёхэтажный

мат командира в адрес той матери, которая наплодила этих му...ков – Соколовых. Командир дежурного звена просит взлет.

Взгляд на авиагоризонт – градусов 30, больше крен и не нужно. Где-то сейчас чуть левее внизу должно появиться большое бессарабское село. Двадцать километров южнее от него берег моря и наша пилотажная зона. Курс 180 – заканчивать разворот. Из-за пазухи Виктор достает карту, смотрит на проложенный маршрут. Курс 195 – направление на Анкару. Скорость 700, высота 1500. Когда успел набрать? Ах, да – двигатель – на форсаже. Выключить форсаж. Убрать газ, снизиться до 600 метров. Если будут догонять, то, скорее всего, пойдут на большой высоте. Еще меньше газ, самолёт входит в облака. Скорость падает до 450 – больше терять нельзя, ручку чуть от себя, хорошо – скорость увеличивается до 500. Самолет вываливается из облаков, и Виктор видит под собой море. С правой стороны удаляется берег. Подбирает обороты двигателя для высоты 300 метров, скорость – 550. Держит горизонт. Пока все нормально. На несколько минут успокаивается. Осматривает пространство: снизу кругом море, сверху – облака. В эфире снова голос командира:

– Я – такой-то (позывной), высота 10 тысяч, курс 185, ориентировочно квадрат ...Этого х...нигде нет. Видно давно уже нае...улся. Куда же ему еще деться со своей е...ой башкой. Ас! Не пойдёт же он на бреющем. Прошу разворот.

– Запрещаю разворот. У тебя еще топлива на полчаса. Ищи своего придурка.

– Какой он мой? Я этого М...лу к полетам не готовил! Пройдусь под облаками... Курс...

Виктор даёт полный газ и набирает высоту. На пяти тысячах вышел в горизонтальный полет. Установил скорость 800. Самолёт словно завис над бескрайним полем облаков. Вскоре массив облачности закончился, внизу открылось море. Тридцать минут полёта – больше половины пути. Впереди в дымке показался берег. Турецкий берег. Перевёл самолёт в режим снижения. Если увидит аэродром, то попробует садиться. Виктор посадки не боялся, хотя и знал, что это самый сложный этап полета. Теоретически он был подготовлен, а успешно проходящий полёт придал ему уверенности. В крайнем случае, катапультируется. У него был и опыт парашютных прыжков, и опыт катапультирования на тренажёре.

Не успел подумать, услышал в эфире английскую речь, и почти сразу увидел рядом пару незнакомых истребителей с турецкими опознавательными знаками. Один занял позицию выше его справа, второй – слева подошел почти вплотную. Хорошо видно летчика, который показывает большой палец и переворачивает его вниз – принуждение к посадке. Виктор изо всех сил кивает. Нажимает кнопку рации и говорит заученную фразу: *Okay! Follow. I'm don't flower. I'm technic. I'm need of help.* Удивительно, но он понял – закивал, и Виктор услышал ответное – *Okay!* Значит они на нашей частоте. Самолеты, давая пространство для маневра, отошли от него на несколько метров, и все трое полетели строем – левый рядом, правый сзади и выше.

При необходимости изменения маршрута ведущий предварительно помахивал крыльями, затем показывал, в какую сторону следует разворачиваться. Постепенно начали снижение. Впереди открылось летное поле. Ведущий показывает – проходим над ВПП и заходим «по коробочке». Так в сопровождении эскорта самолет Виктора проходит над аэродромом, делает левый разворот – первый. Затем второй – идёт в обратную сторону. Высота 300, скорость 400. После третьего Виктор выпускает шасси – самолет проваливается. Добавляет газу. После четвертого выпускает в посадочное положение закрылки – самолёт «взбухает», скорость снова падает. Ручку от себя – направляет самолет на начало ВПП. По вариометру пытается держать темп снижения не более пяти метров в секунду.

Последний раз взгляд на приборы – высота менее 100, скорость – 280. Теперь все внимание на стремительно приближающую полосу. Одновременно боковым зрением следить за сопровождающими. Похоже, что один из них будет садиться вместе с ним.

В момент прохода края ВПП ручку на себя – плавно, одновременно убрать газ – резко. Самолет продолжает нестись над полосой. Уже почти половина полосы осталась позади. Видно

выравнивание произвел слишком высоко. Наконец – приземление. Удары снизу – справа, затем слева, тут же – спереди. Это встреча колес с полосой. Все три – вразной. Самолет попытался уйти обратно вверх, но словно смертельно раненая птица неуклюже плюхнулся на полосу. Теперь почти одновременно на все три колеса. В голове пронесется голос командира: «Сквозлил, мудака? Марш на кухню – картошку чистить!». Любимая его присказка. Посмотрел на скорость – почти 150. А полосы почти не осталось. Тормозить!!! Давить на гашетку тормоза. Придавил, что было сил. Тут же: хлопок снизу справа, самолёт начинает разворачивать... Левую педаль вперёд, держать тормоза. Теперь – хлопок слева. Виктор понимает – «разул» колеса. Тормозить следовало бы плавнее. Черт его знает, как это – плавнее! Самолет уклоняется по полосе и выкатывается в поле, где бороздит землю и тем гасит остаток скорости. Неужели все, и это – земля? Почему так плохо видно? Туман что ли? Нет, это пот со лба заливает глаза. Струйка пота, стекает и по спине. Виктор из последних сил дергает рычаг сдвижной части фонаря. Что за черт! Не поддается. Ах, да – сначала разгерметизация. Наконец, свежий воздух. Все, удалось! Сил едва хватило, чтобы снять ремни...

Гл. 2. Покой нам только снится

В семье у Виктора существовал культ отца. И культ лётной службы. Отец был влюблен в авиацию, и более важного дела в жизни у него не было. И еще – отец был человек чести. Офицерской чести. Это значит, что он был готов выполнить свой долг до конца. И это значит, что он, также как его товарищи, были уверены, что каждый из них не подведет в трудную минуту, не предаст.

Виктор с самых ранних лет проникся к авиации такой же любовью. После окончания школы твердо решил поступать в лётное училище. Продолжить дело, так сказать. Это стало его главной жизненной установкой после известия о потере отца. Печальную весть о гибели отца принес его друг в марте 1951 года. Он же рассказал и о последнем бое, в котором они участвовали вместе с отцом.

Официальное сообщение было получено с большим опозданием и лишь после неоднократного обращения матери вначале к командиру части, а затем к командованию ВВС. Этому также предшествовали несколько вызовов матери в «органы», о которых мать Виктору ничего не рассказывала. Из рассказа друга отца Виктор понял, что факт гибели отца подвергался сомнению. Если бы его гибель проходила по формулировке «пропал без вести», то семья лишилась бы пенсии.

Боевые товарищи подтвердили не только факт взрыва его самолета (это значит, что лётчик погиб), но также и то, что в том бою он дрался героически и был сбит только потому, что ценой своей жизни пытался спасти своего ведомого. Им почему-то долго не верили. Командир полка пытался представить отца к высшей награде, но его представлению ходу долго не давали. Лишь через полгода, когда мать получила официальный документ о гибели отца, ее снова вызвали в «органы» и передали орден Красной звезды, присвоенный отцу посмертно. Это случилось, когда Виктор уже пошел на учёбу в выпускной класс школы.

В течение прошедшего лета он себе поставил и начал осуществлять три ближайшие цели. Во-первых, записался в аэроклуб и совершил два первых прыжка с парашютом. Во-вторых, в секцию бокса «Динамо» – решил воспитывать в себе характер бойца. В-третьих, стал собирать документы и материалы о жизни отца. Он нашел его старую автобиографию, а также записные книжки. Последняя книжка была передана другом отца. В ней он нашел краткие «зашифрованные» записи о последнем боевом периоде его жизни. Впрочем, шифр легко разгадывался. К примеру: «мы получили новую форму». Ясно, что речь шла о китайской форме. Или: «сегодня работали. Результат: всего три, один за мной. Все на месте». Значит, состоялся воздушный бой: мы сбили три самолета противника, в том числе один – отец. У нас потерь нет и т. п.

Родился отец в г. Николаеве в 1916 году. В школе учился там же. С пятнадцати лет начал работать на Николаевском судостроительном заводе. Там он и познакомился с Наташей, ставшей его женой и в 1936 году родившей ему сына – Виктора. В том же году, на время оставив молодую семью, перебрался на Одесский авиаремонтный завод – там платили больше и давали продовольственный паек. Была перспектива получения жилья. Одновременно стал заниматься в Одесском аэроклубе. В конце года проводился спецнабор в Одесскую военную школу летчиков, в которую он по рекомендации старшего инструктора аэроклуба был зачислен курсантом.

Летом 1937 года на самолете У-2 вылетел самостоятельно. А в следующем году закончил курс летной подготовки на самолете И-16. К новому 1940 году выпускникам школы были вручены удостоверения об окончании школы летчиков и присвоены воинские звания младших лейтенантов.

После начала войны Одесская летная школа была эвакуирована, в Киргизию. Затем в 1945 году она была преобразована в военное училище, на базе которого в 1951 году был образован учебный авиаполк (аэродром в Канте).

Отец получил назначение в Качинскую авиационную школу на должность инструктора.

«Качинская Краснознаменная авиационная школа им. тов. Мясникова» была школой известной. Еще в 1923 году ей было присвоено наименование «Первая военная школа лётчиков». А основана школа 24 ноября 1910 года Великим князем Александром Михайловичем, как Севастопольская офицерская школа авиации.

С 1921 по 1941 годы школа подготовила более семи тысяч лётчиков, в основном, истребительного профиля. В июле 1941 года Качинская школа перебазировалась из Крыма в пос. Красный Кут Саратовской области. 289 её выпускников были удостоены звания Героя Советского Союза, десять из них дважды. Знаменитый А.И. Покрышкин – трижды.

После войны школа была преобразована в училище. На прежнее место дислокации училище не вернулось, а в мае 1947 года его перебазировали в Мичуринск Тамбовской области.

В 1943 году после многочисленных просьб и рапортов отца направили на фронт. Подробности фронтовой жизни отца восстановить пока не удавалось. Виктор рассчитывал в дальнейшем найти кого-нибудь, кто воевал вместе с отцом. Всего на его счету числились четыре победы, одержанные над противником в воздушных боях, а также три сбитых бомбардировщика. По-видимому, отец сам был неудовлетворен своими боевыми успехами, о чем имелось упоминание в его записях.

Дело в том, что к фронту он уже имел солидный налёт, обладал прекрасными навыками пилотирования и умением контролировать окружающее пространство. Свою первую победу отец одержал уже во втором боевом вылете. Но это сработало не в его пользу. Его тут же взял к себе ведомым заместитель командира полка, который «шёл» на Героя. Задача же ведомого прикрывать, а не сбивать. При этом, как рассказывали фронтовики, многие «герои» частенько теряли своих ведомых. Увлекаясь атаками, они забывали о тех, кто прикрывает их заднюю полусферу.

Последние же были обязаны любой ценой, вплоть до потери своего самолёта и жизни, прикрывать ведущего. Таков суровый закон воздушного боя.

Отец в полной мере испытал его на себе, когда, спасая ведущего, принял удар на себя и был сбит. Сбит над территорией противника. Спасся на парашюте, и несколько дней добирался до своего аэродрома. После этого случая, несмотря на заступничество командира полка, его на десять дней отстранили от боевой работы, пока «особисты» «расследовали его дело» и таскали на допросы. Тем не менее, отец за всю войну не получил ни одного ранения и дошел почти до Берлина. Имел боевые награды – орден Красной звезды, два – Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, орден Александра Невского и множество медалей, в основном, за взятие и освобождение городов.

Победа! Ее давно с нетерпением ждали все. Почти в любом разговоре о ней упоминалось: «Вот придет победа...», или – «Ну, ничего, недолго осталось». Тем не менее, девятого мая Великая Весть обрушилась неожиданно. На город словно опустилось волшебное облако благодати. Глаза людей зажглись радостью и надеждой – «будем жить!». Многие женщины плакали. Кто от счастья, кто, вспоминая родных и близких, не доживших до этого дня. И еще всех объединяло какое-то особое чувство личной причастности и гордости за НАШУ страну, за всех нас, зато, что именно мы победили. Слово «Победа» везде. Вспомните: автомобиль – «Победа», часы – «Победа», кинотеатр – «Победа», теплоход – «Победа». В городе разбили новый парк – ну конечно «Победа»! В городском яхт-клубе после войны остались две яхты – одна из них носила имя «Слава», другая – «Победа»!

Вскоре в доме появился отец – большой, веселый. Подбрасывал Виктора вверх, звеня медалями. Виктор хохотал – было щекотно и радостно. Отец приехал не насовсем – в отпуск. Чувство гордости переполняло Виктора, когда они вместе с отцом прогуливались по городу. Виктор отмечал восхищенные взгляды молодых женщин и подростков, бросаемые на отца. Отец в своей летной форме был действительно красив. В особенности, Виктору нравилась его летная кокарда на фуражке. Такой в своем городе Виктор не видел ни у кого. И еще золотые погоны с большой, как у генерала звездой. Они с отцом прогуливались по определенному маршруту – по центральной улице до городского парка, где по выходным играл духовой оркестр. По пути заходили в чайную, отец заказывал сто грамм водки и кружку пива для себя и пирожок с вареньем для Виктора.

Однажды перед чайной они встретили «колясочника» – так звались калеки без обеих ног. Они сидели на самодельных колясочках, снаряженных подшипниками, и передвигались, отталкиваясь от дороги деревянными лопаточками, похожими на те, что используют штукатуры в своей работе. На голове у «колясочника» была такая же фуражка, что и у моего отца. «Колясочник», вытянувшись вверх и не выпуская из рук лопаточек, отдал отцу честь. Отец вынес из чайной бутылку водки, стаканы и нарезанное ломтиками сало. Сам присел рядом на подвернувшийся ящик, и они разговаривали, пока не выпили всю водку. Тогда Виктор единственный раз видел отца пьяным. Он сказал: «Водка – великое изобретение для тех, кто придумал войну. Без нее воевать было бы невозможно». Потом добавил, непонятную для Виктора фразу: «Впрочем, как и жить после неё – тоже». Через некоторое время «колясочников» не стало. Даже раньше, чем пришел 47-й голодный год.

Через месяц отец уехал обратно в Германию, и находился там до 1947 года. Затем получил назначение в Союз, а в следующем году в Костроме переучился на новые реактивные истребители МиГ-15.

В конце лета 1950 года его часть стали готовить для переброски на Дальний Восток в Приморье, а затем в Китай. В это время разгорелась война в Корее. Наше авиационное командование стало набирать «добровольцев». Полк, в котором отец служил в должности комэска (командира эскадрильи), стал готовиться к командировке. Поступил приказ: смыть советские опознавательные знаки с самолетов и нанести знаки КНДР. Самолеты разбирались, грузились в эшелон для отправки в Китай. Личному составу приказано: сдать все документы – удостоверения личности, партийные и комсомольские билеты. Семьям оставлялись денежные аттестаты. Женам объявили, что их мужья направляются в правительственную командировку. Рекомендовано с детьми уехать к родственникам. Виктор до этого и так жил постоянно в Николаеве с бабушкой. Мать, проводив отца, также переехала к ним.

Справка о Корейской войне.

Корея: площадь – 221 тыс. кв. км., протяженность (север – юг) около 1000 км., ширина от 160 до 300 км. Преимущественно горная страна, около 3500 островов. Население свыше 30 млн. До 1945 года Корея была единым государством и находилась под оккупацией Японии. После победы над

Японией по соглашению СССР и США страна была поделена на две части, граница проходила в районе 38 параллели. Северная Корея (КНДР) следовала коммунистической идеологии. Южная – находилась под патронажем США.

Война началась в июне 1950 г. (продолжалась до июля 1953 г.), когда войска Северной Кореи под предлогом предотвращения агрессии перешли границу и заняли столицу Южной Кореи Сеул. В события вмешались США, вместе с ними приняли участие 16 государств (по резолюции ООН). Объединенные силы быстро вытеснили северокорейцев с завоеванных позиций и в конце октября 1950 г. вышли к границе с КНДР, затем захватили Пхеньян – столицу Северной Кореи. На помощь Северной Корее пришли китайские «добровольцы», которые освободили Пхеньян и 24 декабря вышли к 38-й параллели.

В войне, принявшей характер интернационального конфликта, значительную роль играла авиация обеих сторон. Главной ударной силой «вооруженных сил ООН» была авиация США, в составе которой насчитывалось более тысячи боевых самолетов. В ходе войны силы наращивались и к ее концу действовало уже до 2400 боевых самолетов.

С ноября 1950 года основной целью американской авиации стали мосты и дороги через пограничную с Китаем реку Ялу (Ялуцзян), через которую и шло снабжение северокорейской армии.

В середине октября 1950 года, по договоренности правительств Советского Союза, Китая и КНДР, командование ВВС Советской Армии приняло решение направить в Китай соединения истребительной авиации, на базе которых 14 ноября 1950 г. был сформирован 64-й отдельный истребительный авиакорпус. Корпус, в основном, выполнял задачи ПВО.

В небе Кореи советские летчики впервые сошлись в бою с американскими пилотами. Символами той войны стали советский МиГ-15 и американский F-86 «Сейбр» – лучшие истребители своего времени, примерно равные по своим боевым возможностям, так что исход боя в большой степени решался за счет мастерства пилотов.

Согласно официальным данным советские летчики сбили в Корее 1097 самолетов противника, еще 212 уничтожено зенитным огнем. 54 летчика стали асами, одержав по 5 и более побед.

Осенью 1950 года полк отца прибыл на наш дальневосточный аэродром Воздвиженка. Пошли проливные дожди. Грязь. До марта-месяца 1951 года готовили самолеты, облетывали. Одновременно шла учебно-боевая подготовка. Изредка вылеты на перехват. Основные задачи большинства прибывших частей были связаны с прикрытием от ударов с воздуха железнодорожного моста через реку Ялуцзян и основных коммуникаций снабжения китайских добровольцев.

В конце мая перебазировались на китайский аэродром (вблизи границы с Кореей). Тогда полку была поставлена задача: уничтожить авиацию противника в зонах севернее 38 параллели. Боевые действия авиаполков 64-го корпуса были жестко ограничены территориально: над морем летать запрещалось; южнее Пхеньяна – не заходить (Пхеньян расположен вблизи 38 параллели); на свободную охоту не ходить.

Ограничения были связаны с попытками скрыть участие советских летчиков в боевых действиях. Впрочем, для американцев никаких секретов не было. Бывали случаи, когда противники, расстреляв боеприпасы, летели на параллельных курсах и сближались на расстояние, когда можно разглядеть лицо противника. В этом случае американские летчики, держась

одной рукой за ручку управления, другой пытались изобразить раскосые глаза – так они подкалывали наших.

Быть сбитым над территорией Северной Кореи было не менее опасно, чем южнее 38 параллели. Для бойцов армии КНДР что американцы, что наши – все были на одно лицо. К тому же летное обмундирование отличалось незначительно. Они всех подряд пытались брать в плен, иногда расстреливали в воздухе, считая, что любой, спускающийся на парашюте – американец. Так было потеряно несколько советских летчиков, катапультирующихся из поврежденных самолетов.

Из записной книжки отца.

01.07.51. Полковая работа. Завалили шесть. Два за моим первым. Мы без потерь.

09.08.51. Андреев потерял машину. Вернулся на базу через два дня.

23.09.51. Работа объединенной группы. Отражение крепостей (В-29) и их сопровождения. За полком – шесть крепостей, одна за моим первым, я завалил сопровождавшего.

26.10.51. Безвозвратно Ваня Ш. из третьей.

08.11.51. Потеряли Сашу Ц. Неожиданная засада от солнца.

15.11.51. Перехват из засады силами двух пар. Со стороны солнца. Сходу завалили – два 84-х и еще один Тандер (Тандерджет – прим.). На втором заходе мой первый завалил еще – 84-й, за мной – 86-й. У наших машин очень мощное вооружение: одна – 37 и две – 23 (калибр пушек). Залп должен быть коротким – до секунды, тогда запаса может хватить на 5–6 атак. Это и есть максимальные теоретические возможности в одном вылете. На деле более, чем о четырех – не слышал.

У меня новичок – стал давить на гашетку за 1000 метров, а когда подошел на дистанцию, оказался пустой.

28.11.51. Полковая работа. Перехват колонны звеньев бомбёров над полем. Всего уложили пять. Один за моим первым, один из сопровождения – мой. Первый из третьей эск. потерял машину. Попал на нашу сторону. Пока без известий. У 86-го большое преимущество – радиодальномер. Чтобы работать наверняка, нужно подходить близко – до 200 метров. Это риск. Долго. В это время второй – не спи!

05.12.51. Потеряли Лешу М.

К Новому году итоги: у меня – 3 истребителя, 2 бомбёра (1 – крепость). Перевели из ведомого в ведущие. Теперь повоюем!

На этом записи заканчивались.

Гл. 3. Со снижением в сторону моря

В конце марта 1952 года наш дом посетил товарищ отца. Рассказ боевого товарища о последнем бое отца:

– Мы не были друзьями, хотя относились друг к другу хорошо, с уважением. А я, так просто боготворил его. Он летчик был от бога. А человек был редкий: справедливый и честный. Если кто провинился, он мог очень жестко прямо в лицо сказать ему об этом. Но зла не держал. Мы в эскадрильи его этой прямоты все немного побаивались. Конечно, он был у нас самый старший. В общем, к нему относились, как к отцу. Мы его так и звали – батя.

После Нового года долго не летали. Погода не летная. В марте срок нашей командировки заканчивался, и мы должны были возвращаться домой, оставив магчасть сменщикам. Уже стали расслабляться. А в конце февраля, когда установилась погода, американцы поперли. Массированные налеты – один за другим. Мы вылетали почти каждый день. Потом наступило затишье. 1-го марта мы двумя парами вылетели на свободную охоту. Собственно, свободная охота у нас официально не разрешалась. Но командир, под видом перехвата, такую возмож-

ность иногда предоставлял тем летчикам, которые по числу побед претендовали на звание «ас» – 5–6 побед.

Я был ведомым у твоего отца. Мы зашли в район зоны боевых действий и стали ожидать противника. Наша пара стала барражировать в ожидании противника на высоте девять тысяч. Вторая пара, в качестве прикрытия – выше нас на две тысячи. Мы поздно увидели, что звено Ф-86 с превышением, заходит на нас со стороны солнца. Ведущий Ф-86 уже подошел на дистанцию огня и готовился стрелять в моего ведущего под ракурсом три четверти – сзади слева.

Я тут же сманеврировал влево, оставив неприкрытой заднюю полусферу ведущего. Не знаю, может быть это была моя ошибка. Неожиданно для себя я увидел повисшую у меня на хвосте вражескую пару. Таким образом, мы оказались одновременно атакованы превосходящими силами противника.

По-видимому, мы напоролась на домашнюю заготовку. Я по радиации сообщил о ситуации ведущему нашего прикрытия и продолжал атаку, несмотря на опасное сближение противника со мной. Мой командир (отец) оценив ситуацию, закладывает «косую петлю» и выходит из-под обстрела. Дает по радиации команду: «Выходи переворотом. На базу возвращайся самостоятельно». Собственно, это он меня спасал, а сам продолжал бой.

А я слышу барабанную дробь по плоскостям и тряску. Попали. Но самолет управляем. Ухожу переворотом, но не к земле, а после снижения вхожу в боевой разворот, чтобы вновь вступить в бой. В процессе маневра я успеваю увидеть «картинку», которая у меня запечатлелась на всю жизнь.

Вот командир после «петли» заходит в хвост паре, ранее атаковавшей меня, и с малой дистанции (не более сотни метров), дает очередь по ведомому, тут же, прошивая вражеский боевой порядок, его обгоняет и почти втыкается в хвост ведущему. Очередь – и тот разлетается на куски. Однако первый противник оказался недобитым и всаживает очередь в самолет командира. Его самолет, вяло, отвернув в сторону, пошел со снижением в сторону моря. Через несколько секунд за ним появилась струйка дыма. Я ору по радиации: «Горишь. Мы в зоне противника. Уходи, куда сможешь!». Но уйти он, по-видимому, уже не мог. Был ранен или было повреждено управление. И его самолет продолжал полет по той же траектории – со снижением в сторону Японского моря. Там он и исчез в дымке. Только облачко дыма еще некоторое время висело над берегом. Взрыва я не видел. Это означало, что самолет, скорее всего, просто ушел в воду. Судьба пилота? Никому не известна.

В рапорте я указал, что видел, как его самолет взорвался над морем. Таким образом, командир погиб, и какие-либо подозрения, что он мог попасть в руки противника, не правомочны. Наши прикрывающие, которые прибыли на подмогу слишком поздно, мои показания подтвердили. А я получил взыскание зато, что не сумел прикрыть командира. Таскали в особый отдел. Вопрос один: «Может быть, он остался жив и попал к врагу?». Самым хорошим исходом данной ситуация стала бы та, при которой он оказался погибшим. А я думаю: «Дай бог, может быть, как-нибудь спасся». Но сильнее всяких взысканий и подозрений меня угнетает мое собственное чувство вины. Бой, в котором мы потеряли командира нашей эскадрильи, для нашей части был последним в Корее. Ему тогда было тридцать пять лет. А через неделю личный состав нашего полка вернулся в Союз.

В конце разговора товарищ, звали его Алексеем Павловичем, сказал уже лично Виктору: – Знаешь, в моей памяти твой отец так и остался «батей» – командиром с большой буквы. И еще я скажу только тебе: он очень сильный человек. До сих пор не могу поверить в его гибель. Ну, а нужна будет помощь – обращайся. Приезжай в гости, рыбку половим. Ведомый отца жил на Волге под Астраханью.

Гл. 4. Начало пути, начало разочарований

Виктор окончил школу очень прилично – с серебряной медалью. Но более весомыми достижениями он считал другое. Он упорно работал по своей программе – совершив пять прыжков с парашютом, с гордостью носил значок парашютиста. Получил разряд по боксу.

Сразу после окончания школы спортивный комитет города направил его на первенство Украины по боксу среди юношей. В финале встретился с представителем столичной спортивной школы. Тренер настраивал на серьезный бой:

– Этот парень физически силен. Старайся не подпускать его на близкую дистанцию. Помни о защите, в особенности в первом раунде. У тебя преимущество в росте и длине рук.

Виктор выиграл. Выиграл уверенно. У него было преимущество не только в росте, но в реакции и скорости действий. За весь бой он пропустил только один удар, который, однако, обозначился у него синяком под левым глазом. Ему было присвоено звание чемпиона и первый взрослый разряд. Тренеры отмечали его великолепную реакцию и сулили хорошую карьеру. Поступили приглашения в институт физкультуры, и в столичную команду «Динамо». Но он следовал своей цели – прошел летнюю комиссию в военкомате и получил направление в летное училище. Сразу после поездки в Киев он должен был ехать в училище. Добился, чтобы его послали туда, где когда-то работал отец – В Тамбовское (бывшее Качинское) училище.

Он стремился уехать быстрее. Ничто его особенно не держало в родном городе. Только легкая грусть от расставания с подружкой. Почти год он дружил с девочкой. Хотя история их дружбы начиналась еще в седьмом классе – они тогда вместе учились в школе. Как-то его школьный друг сказал ему:

– А, ты знаешь, к тебе Настя неровно дышит.

– С чего ты взял? Ничего такого. Мы с ней даже ни разу и не разговаривали. Не то, чтобы что другое.

– А ты посмотри, как она на тебя смотрит. Постоянно.

Виктор невольно обратил на неё внимание. Они стали переглядываться. А однажды, когда они всем классом сбежали в кино (какие-то уроки отменили), то они сидели в зале рядом. И это уже значило многое. Но судьбе было угодно их временно разлучить. После окончания седьмого класса она ушла из школы – поступила в медицинское училище. Они снова встретились случайно, когда он был уже в выпускном классе.

Весна была в разгаре. Сады утопали в белой пене. Вечерний теплый бриз, одурманивающие запахи сирени. Замирание сердца от предчувствия счастья и жажды любви. К этому времени Настя окончила училище и готовилась поступать в медицинский институт. Выбирала между Киевом и Одессой. Одесса, конечно, ближе. Зато Киев – столица. Виктор поразился, как она изменилась. Нет, не выросла. Просто она стала взрослой зрелой девушкой. Она и одевалась, как взрослая. С элегантною простотой, подчеркивающей ее женские достоинства – развитую грудь, стройные, с мягкими округлостями, ноги.

Они оказались интересными друг для друга и стали встречаться. Сначала просто так. «Просто так» перешло в дружбу. В ту дружбу, с которой в юные годы начинается любовь. Она призналась, что полюбила его еще со школы. Той весной, когда он оканчивал школу, они все свободные вечера проводили вместе. После поцелуев подолгу сидели обнявшись. Иногда молча, иногда мечтали, как они будут жить вместе. Начинали шуточную игру – сколько у них будет детей. Он хотел двух мальчиков. Она – мальчика и девочку. Поцелуи возбуждали Виктора, но Настя не позволяла ему лишнего. Однажды она разрешила ему положить руку на свою созревшую грудь. Левую – он слушал стук ее сердца.

В последний вечер перед отъездом они допоздна гуляли с Настей по парку. Уединились в дальнем углу парка. После жарких поцелуев Виктор не выдержал и запустил руку под юбку. Настя стойко выдержала его атаку. Она грубо одернула его:

– Я думала ты такой, такой... А ты, как все. Всем вам только одно и нужно. Виктор обиделся:

– Ты же моя девушка, хочешь, поженимся? Хоть завтра. Нет, не завтра – когда приеду в отпуск.

– Ну, вот тогда я и стану твоей. Как-то это она нехорошо сказала. Как бы поставила на место. На второе. А она – на первом.

Расстались они недовольные друг другом. Она, даже не пришла его провожать. Первое время она часто писала письма. Потом все реже. За два месяца до его отпуска их переписка прекратилась.

При поступлении в училище Виктор споткнулся на том, на чем никогда бы не подумал. Его тормознули на зрении. У него всегда было 100 %. А здесь врач – седовласый мужчина профессорского вида, который после обычной проверки исследовал глаза с помощью какого-то хитрого приспособления, его забраковал. Когда Виктор пытался убедить «профессора» в своем идеальном зрении, тот спокойно ему разъяснил:

– Молодой человек, у Вас прекрасное зрение. Почти для любой профессии. Даже для летной – для штурмана или летчика гражданской авиации. Но только не для летчика – истребителя. У Вас астигматизм. Что это такое, чтобы не вдаваться в детали? Это когда пара глаз не имеет строго одинаковой фокусировки. В обычных условиях Вы этот недостаток не ощущаете. А вот в небе, да еще когда будете испытывать перегрузки, это может сказаться. Я сам когда-то летал и знаю – один летчик обнаруживает противника за две, за три тысячи метров, другой – только за тысячу. А третий прекрасно видит низколетящую цель сверху, но плохо ее видит на фоне облаков. Так проявляется астигматизм. Раньше этот дефект зрения не учитывали в нашей профессии. А ведь многие летчики были сбиты потому, что поздно обнаруживали противника. Истребитель должен иметь идеальное зрение.

Как смириться? Виктор лучше ничего не придумал, как обратиться к заместителю председателя приемной комиссии – замполиту училища. Тот принял его ласково, внимательно выслушал и посоветовал:

– Очень хочешь летать? Как отец – истребителем? В этом году не получится. У тебя в запасе – до призыва еще два года. Я тебе советую: поступай в авиационно-техническое училище. Год проучишься не зря – все-таки по авиационной специальности. А через год приезжай к нам снова. Может зрение наладится, а может нашего вредного доктора не будет – поступишь.

– А если из того училища не отпустят?

– Отпустят. Я специально напишу записку для замполита Харьковского училища – он мой друг, и все будет путем.

Замполиты действительно были друзья. А в Харьковском училище в тот год был недобор. Так Виктор вместо летного училища оказался в техническом. Друзей – замполитов запомнил надолго.

Народ в роте (рота – это курс) собрался, в основном, двух категорий. Условно их можно назвать сельскими и городскими. Первые, с общим развитием ниже среднего, действительно по большей части приехали из сельской местности. Вторые – городские. Те, которые по разным причинам не могли претендовать на поступление в институт. Была еще одна, особая категория – это те, которые уже год прослужили. Из них комплектовался штат младших командиров. В основном, по своему развитию они соответствовали первой категории. Однако свои недостатки они успешно компенсировали нахрапистостью и знанием подлых сторон армейских взаимоотношений. По всем признакам, Виктор выпадал из стандартных категорий, хотя и формально,

и, по сути, примыкал ко второй. Из Николаева оказались несколько человек – они держались вместе.

До сдачи экзаменов все варились в одном котле – в палаточном городке все были равны. После зачисления были назначены командиры, которые сразу повели себя соответствующим образом.

Особо выделялся Федя Савчук – хохол (хохол – это не национальность, а стиль поведения), который в чине младшего сержанта был назначен помощником командира взвода. Командиром взвода был старший лейтенант Цветиков, который с подачи Мишки Константинова (николаевца) получил кличку свекровь. За то, что был неугомонным, совал свой нос во все щели и непрерывно делал замечания. После своего назначения Савчук, построив взвод – 48 душ (два классных отделения), объявил, что теперь он – командир и к нему следует обращаться на Вы: «Товарышу сэржант, и шоб Хвэдею нэ звалы», – у него был совершенно жуткий акцент – «суржик» (не украинский, а именно «хохляцкий» – чудовищная смесь русского и украинского). Как и большинство «настоящих» хохлов, был он туповат, нагловат и ум его не распространялся дальше простой мужицкой хитрости.

С самого начала Виктор бравировал независимым поведением. В глубине души рассматривал училище второсортным – ведь он сам готовился в летчики! По вечерам вместо обязательной самоподготовки уходил в библиотеку. Здесь он нашел литературу, которая его больше интересовала, чем та, которая шла по программе. Книги по практической аэродинамике реактивных самолетов, воспоминания боевых летчиков. Нашлась «Инструкция по летной эксплуатации МиГ-15бис» и прочие.

В лице Виктора все ощущали лидера. К нему тянулись наиболее развитые ребята. Во взводе сложился коллектив, ядром которого были ребята из Николаева: сам Виктор, Юрка Ячнев, Женька Зяблев. Женька тоже был боксером, и они с Виктором были знакомы еще до училища. В компанию также вошли: Юрка Огуренков – из Киева, Генка Звягун – из Одессы, Сашка Бородин из Белгород – Днестровского (под Одессой). К ним примкнул Олег Ивченко – из местных. Дружба складывалась по большей части на основе совместных занятий спортом. Кроме бокса занимались штангой, вольной борьбой.

Юрка Ячнев был скромным и очень застенчивым. Его легко можно было обидеть. Когда на него наезжали командиры, он терялся – моргал глазами и не знал, что ответить. Погиб он нелепо, года через два после выпуска. Будучи в отпуске в родном Николаеве, провожал девушку. У девушки оказался то ли муж, то ли жених – полусумасшедший, который разрядил в Юрку охотничье ружье.

Сашку Бородин мы звали композитором не только за фамилию. Он был очень музыкальным: профессионально пел баритоном, играл на аккордеоне. Какой черт занес его в это училище?

Юрка Огуренков был из обеспеченной семьи, слегка избалован. Когда в 6 утра дежурный жутким голосом орал: «Подъем!», положено было за 40 секунд одеться и стать в строй. Зато время, в течение которого передовики заканчивали одеваться, Юрка был способен лишь перейти из лежачего положения в сидячее. Половину отведенного срока он приходил в себя, постигая – где он и что происходит вокруг. Его глаза в это время отражали вселенскую тоску и ужас перед началом наступавшего дня. К строю он «подгребал» самым последним, при этом всем своим видом демонстрировал полное презрение к происходящему ритуалу. Оглядывался по сторонам, как бы говоря: «Какие же вы все – идиоты!». Виктор, глядя на него, думал: «Если он окончит училище, то вряд ли после выпуска сможет служить в армии».

Олег был местным и выделялся пижонством. Форму подбирал тщательно, подгонял – что-то подрезал, что-то ушивал. Носил на голове «кок», намазывал его бриолином. Иногда в увольнении вся компания вваливалась к нему «в гости», его мать угощала будущих офицеров отличным самогоном. Компания, попадая в увольнение, вела себя не так, как большинство.

Ребята могли выпить, но не пьянствовали. Не посещали танцы. Ходили плавать на пруд, иногда играли с местными в баскетбол. Часто просто гуляли по городу. Заходили в магазин, покупали пару батончиков хлеба и по бутылке молока. В училище кормежка была хорошая, но молока не давали.

Олег из нашей компании слегка выпадал. Он не столь рьяно увлекался спортом, любил выпить. Однажды из увольнения пришел, выпив изрядно лишнего. Когда роту построили на вечернюю поверку, ему стало нестерпимо тошно. Тут он проявил незаурядную военную смекалку: чтобы себя не выдать, он быстро снял сапог и использовал его в прикладных целях. В строю стоял во втором ряду, никто и не заметил, кроме рядом стоящих.

«Хвэдя» (после его тронного выступления между собой его иначе не называли) Виктора невзлюбил сразу. Впрочем, это было взаимно. Виктор ему часто дерзил, за что часто получал наряды «вне очереди». Каждый из них соответствовал суточным отработкам – на кухне или дневальным по роте. Обычно в наряды ходили по определенному графику. Наряды же «вне очереди» положено было отрабатывать исключительно по выходным. Однажды Виктор обнаружил, что «Хвэдя» посылает его в наряды по выходным чаще других даже тогда, когда внеочередные за ним не числятся. На вопрос Виктора «Хвэдя» дал разъяснение: «А цэ тоби по очерэди – ты по очерэди в выходные вже два мисяця нэ був. В прошлое був? Так то ж вни очерэди, а цэ не засчитується». Виктор был ошарашен и решил жаловаться командиру роты – капитану Земкову, чернобровому красавцу, всем своим видом подчеркивавшему уникальность и значимость этой красоты. Нет сомнения в том, что он пользовался успехом у слабого пола.

Выслушав Виктора, Земков уточнил:

– Так значит у вас, товарищ курсант, нарядов вне очереди нет?

– Нет, товарищ капитан.

– А ваш командир – младший сержант Савчук вас все равно в наряды исключительно в выходные дни посылает?

– Так точно, товарищ капитан.

– Так это же очень легко исправить. Я вам объявляю пять нарядов вне очереди. Идите и доложите об этом своему командиру.

С весны 55 года в училище порядки установились «Жуковские» (Г. Жуков в феврале стал министром обороны). Известно его высказывание: «В армии командую я и сержанты». На практике это означало, что сержантам много позволялось, в том числе действия, выходящие за пределы уставных отношений. Возможно, «дедовщина» в армии именно тогда и закладывалась. Вообще официальная точка зрения относительно фигуры маршала Г. Жукова порой расходится с мнением тех людей, которые знали его достаточно хорошо, кто воевал под его командованием.

По-видимому, у И. Сталина имелись веские основания к тому, чтобы в июне 1946 года снять Маршала с должности, обвинив в «отсутствии скромности, чрезмерных личных амбициях, приписывании себе решающей роли в выполнении всех основных боевых операций во время войны».

Тогда против Жукова было начато так называемое «трофейное дело», связанного с вывозом им из [Германии](#) огромного количества трофейного имущества (эшелонами) – в основном, антиквариата (старинной мебели, произведений искусства) в свое личное пользование. По сведениям западной прессы, у Жукова было изъято два десятка золотых и с драгоценными камнями часов, 15 золотых кулонов, свыше 4000 метров ткани, более 40 ковров и гобеленов (из немецких дворцов), полсотни картин известных мастеров, два десятка дорогих охотничьих ружей произведенных по специальным заказам и т. д. и т. п.

После смерти И. Сталина Жуков вновь занял ведущие позиции в армии, став в марте 1953 года первым заместителем Министра обороны СССР, а девятого февраля 1955 года занял пост Министра обороны. Новое восхождение Жукова связано с его решающей ролью в поддержке

[Н.Хрущева](#) во время его борьбы за власть – вначале с «врагом народа и шпионом» Лаврентием Берия, а затем – с «антипартийной группой» [В.М. Молотова](#), [Л.М. Кагановича](#), [Г.М. Маленкова](#) «и примкнувшим к ним» Д.Т. Шипиловым, которая завершилась в 1957 году партийным осуждением и изгнанием последних из политической жизни страны. И вновь в этих событиях сыграли личные амбиции Маршала, который выступил против тех, кто вместе с И.Сталиным в свое время его «обидел».

Личность Н.Хрущева весьма противоречива, а его эпоху правления трудно оценить для страны в качестве положительной. В каждом из кажущихся позитивных начинаний Н.Хрущева присутствовала противоположная сторона, которая по большей части была доминирующей. Чего стоит только его идея «разогнать» военную авиацию, физически уничтожить многие сотни исправной авиационной техники, уволить из рядов армии массу летчиков в расцвете сил и технических специалистов, многим из которых не дали дослужить до пенсии несколько месяцев? А передача Крыма Украине? Не говоря уже о, так называемом, освоении Целины, кукурузной эпопее и пр.

В училище действовала странная воспитательная система: курсантов готовили стать офицерами и при этом прививали стойкое неуважение к этой категории защитников Родины, да и к армии – в целом. Чем больше Виктор узнавал об армии, о больших и не очень больших (не всех, но очень многих!) командирах, тем большее он испытывал разочарование.

Конечно, после окончания первого курса, несмотря на неоднократные рапорты и просьбы Виктора, никто его в летное училище не направил. Его разговор с замполитом училища закончился неприятно: «Будете настаивать – отчислим из училища и направим рядовым в часть. Отслужите полный срок, потом поступайте куда хотите». То есть, все с нуля. Зачем тогда он поступал в училище? Теперь после училища его заставят служить техником, и тогда тем более не будет шансов поступить в летное. Он стал серьезно подумывать о подаче рапорта на отчисление, но тут случился событие, нарушившее его планы.

Начиналось все тривиально. Основным местом общения и развлечения молодежи города были танцы в местном клубе. Как, это обычно бывает, среди мужской части танцоров существовали враждующие группировки. Наиболее устойчивые из них – местные против курсантов. В результате этого противостояния эпизодически случались мордобои. Почти всегда по одному и тому же сценарию – вначале местные «поддавливали» одного или нескольких курсантов и «отделяли» их далеко не в рамках «джентльменских» правил – на одного наваливалось несколько. После этого шла «мобилизация» в училище и в очередное увольнение шла подготовленная команда «мстителей», которая лупила всех без разбора. Естественно, что основные виновники начала боевых действий заранее прятались (видимо о готовящейся акции их кто-то предупредил), и пострадавшими оказывались совершенно непричастные. Если последствия разборок оказывались достаточно тяжелыми, включалась цепочка: милиция – местные власти – командование училища – поиск и наказание виновных курсантов. Истинные зачинщики оставались в стороне.

На этот раз «подловили» Юрку Огуренкова и Юрку Ячнева. Их побили сильно. Били ногами. Били по голове. Как выяснилось, ни за что. Они на этих «танцах» появились едва ли не в первый раз. Видно, в процессе приглашения дам «на мазурку», по неопытности, нарушили какое-то местное «табу» – то ли не испросили разрешения у «мамани», то ли не были дамам представлены. Огуренков пострадал сильнее, пришлось обращаться в санчасть. У него были повреждены пальцы левой руки – кто-то на них с силой опустил каблук, когда он уже лежал и не сопротивлялся. На кисть наложили гипс.

Виктор собрал срочное оперативное совещание. Были приглашены наиболее надежные и боеспособные ребята. Решили: сформировать компактную группу, о выходе «на операцию» не должен знать никто; найти истинных виновников – главаря и его окружение; отделать профессионально, но без зверств. Двух боксеров – Виктора и Женьки для этого достаточно. Еще

три – четыре должны обеспечить изоляцию «поля боя». Вмешался Генка: «Включите в основную группу». Виктор возражал. Дело в том, что Генка был парнем «приблатненным». У него и характер был соответствующий. Но, главное, он слыл профессиональным драчуном, владел жестокими приемами драки. Большинство решило – пускай. Нужно проучить. Ладно.

Виктор вместе с Юркой Ячневим зашли на территорию клуба первыми. Юрка быстро вычислил обидчиков и «боевая группа» направилась к ним. Их вожак стоял и улыбался, он видел, что к нему направились всего-то четверо (включая пострадавшего). Он быстро оглянулся, что-то сказал своему окружению – их было не менее десятка. Было заметно, что у него вновь «зачесались» руки. Опережая Виктора, вперед рванулся Генка. В правой руке у него мелькнул фонарик. С помощью его он ослепил «вожака», затем тем же фонариком с короткого замаха врезал ему сверху в район ключицы. «Вожак» со стоном рухнул. Рванувшаяся на помощь «свита» нарвалась на точные нокаутирующие удары. Через минуту недобитая часть «свиты» кинулась врассыпную. По полу, пытаясь встать, ползали пятеро. Генка умудрился атаками головой в нос уложить еще двоих. Все произошло настолько быстро, что в основной части танцевальной толкучки никто ничего не заметил. Танцы продолжались. Группа «мстителей» спокойно покинула «поле боя».

Через день на строевом плацу училища было объявлено общее построение. Руководил построением сам начальник училища. Он объявил причину построения: «Группой курсантов совершено нападение на мирно отдыхающих молодых людей – комсомольцев, активистов. Распоясавшиеся хулиганы из числа наших курсантов – я надеюсь, бывших курсантов, жестоким образом избili местных комсомольцев. В результате этого бандитского, не побоюсь этого слова, нападения трое из пострадавших находятся в больнице с травмами средней тяжести. Еще двое получили сотрясение мозга. Все виновные будут сурово наказаны. Будет проведено дознание и при необходимости дело будет передано в военную прокуратуру. А теперь прошу провести опознание участников нападения, позорящих имя курсанта Советской Армии и подрывающих светлую идею единства армии и народа».

Далее «на сцену» вышли вместе с замполитом: секретарь местного райкома комсомола, возглавлявший делегацию из «комсомольцев – активистов». В качестве делегатов выступали двое из числа той части «свиты», которая спасалась бегством, оставив «на поле брани» своих товарищей с «травмами средней тяжести» и «сотрясениями мозга». У Виктора выиграла гордость. Он решил исключить «опознание», порочащее его достоинство и честь будущего офицера. Бросив остальным: «Вышли», он первым сделал шаг вперед. «Боевая группа» в количестве трех человек предстала перед строем.

– А остальные!?! – завопил замполит.

– Здесь все – твердо заявил Виктор. Добавил:

– И пускай предстанут те, кто избивал Огуренкова и Ячнева.

– Молчать!!! – замполит окончательно вышел из себя. Задуманное «представление» срывалось.

– У кого был кастет!?! – попытка вернуть ситуацию под контроль.

Виктор вновь не выдержал:

– Кастетами пользуются уголовники и слабаки – те, которых вы привели.

А мы не уголовники и нам кастеты не нужны!

По рядам строя курсантов пошел нарастающий гул недовольства происходящим процессом.

Вмешался начальник училища, который, по-видимому, понял, что ситуация совсем не такая очевидная, как ему было доложено:

– Прошу соблюдать дисциплину. Расследование будет проведено. В любом случае, факт участия данных курсантов в драке с представителями гражданского населения очевиден. Это

серьезное нарушение. Объявляю взыскание: участникам – по восемь суток ареста с содержанием на гауптвахте строгого режима. Зачинщику Соколову – десять.

«Откуда он решил, что я зачинщик» – подумал Виктор. – «Или это наказание за честность, за прямоту – зато, что я первым вышел из строя?».

Расследованием занимался «особист». Он быстро сориентировался в ситуации, и раскрывать дело не стал. Провокаторская роль местных «комсомольцев» была очевидна. Он только сказал Виктору: «Ты, как квалифицированный боксер («Откуда он знает?») не имеешь права применять свои навыки на улице. Ну, допустим драка. Зачем нокаутировать? Мог бы просто поколотить. А если бы ты его убил? А то, что сам вышел из строя – молодец!».

Что собой представляет гауптвахта строгого режима? Камера 2,2х1,5 метра без окна. Из «мебели» – широкая подвесная полка, которая сразу после подъема – в 6 утра пристегивалась на замок к стенке. Отстегивалась, становясь кроватью, после отбоя – в 23.00. Формально целый день арестант должен проводить на ногах. Впрочем «выводящий» – такой же курсант, задача которого выводить арестанта под дулом карабина в туалет, а также давать ему еду, обычно закрывал глаза на то, что арестант валяется на полу. Самое тяжелое в этой системе – полное отсутствие общения. Арестантов строгого режима запрещено даже привлекать к каким либо работам. Для курящих большие страдания приносит запрет на куренье.

Показательно, что суровые условия гауптвахты строгого режима полностью соответствуют наиболее жесткому тюремному наказанию – содержанию в ШИЗО. То есть, будущий офицер сим воспитательным актом приравнялся к уголовникам. Странная система воспитания офицера. Страдает чувство чести, чувство самоуважения.

Авторитет Виктора в училище – и среди курсантов, и среди некоторых офицеров утвердился окончательно. Только замполит «психовал»: «Дело еще не закрыто. Если напишешь рапорт на отчисление – добьюсь, чтобы тебя направили в дисбат. Там не повыпендриваешься». И Виктор от своего решения – уйти из училища отступился. Как показало время, зря.

Впрочем, он решил этот вопрос обдумать после отпуска – как раз подошло время. К отпуску все подгоняли форму. Главным в ней были погоны. Их делали из офицерских парчовых (парадных) погонов – на среднюю часть каждого погона наклеивалась полоска голубой ткани и, таким образом, они преобразовывались в курсантские. Но смотрелись, как офицерские. Укорачивалась гимнастерка. Отутюживались складки. Надраивалась бляха ремня. Сапоги укладывались в фасонную «гармошку».

Гл. 5. Оперившиеся «соколята»

Виктор до родного города добрался к вечеру. Сразу решил зайти к Насте. Она с родителями жила в отдельном доме на окраине города. Его ждала неожиданность – дом был закрыт. Виктор остался ее ждать во дворе. Вскоре появилась Настя – она провожала родителей, которые уехали на похороны матери отца. В деревню под Очаков. Настя была расстроена, и Виктор остался у нее на вечер. А потом и на ночь. Она позволила ему лечь вместе с собой в постель, и случилось то, что и должно было случиться между молодыми влюбленными после долгой разлуки.

Наутро произошел разговор, который для Виктора оказался столь же неожиданным, сколь и странным. После того, как они побывали в любовных объятиях. Настя сказала, что прошедший год был очень долгим, и что за это время многое что произошло:

– Витя, я должна тебе честно сказать, что мои чувства к тебе изменились. Я стала другой. Наверное, более взрослой. Во всяком случае, я чувствую себя гораздо старше тебя. Может, еще что-то на меня повлияло, но я ощущаю, что наша любовь прошла. Она осталась где-то там – позади, как приятное воспоминание о первых чистых чувствах.

– Настя, что ты говоришь? Это после всего? Зачем же ты мне позволила? Не хочешь ли ты сказать, что все произошло помимо твоей воли?

– Нет, нет. Я знаю, сразу ты не поймешь. Я тебе сейчас все объясню. Я очень признательна тебе, что у нас с тобой была любовь. Первая любовь. И благодарна, что ты был терпеливым и не принуждал меня к близости. Я чувствую, что ты до сих пор сохранял мне верность. Но вот подошло время, мы становимся взрослыми и, скорее всего, наши пути разойдутся. У меня может появиться другой парень. В то же время, это справедливо и правильно, что в честь нашей с тобой любви мы впервые отдались именно друг другу. Мне это приятно. Надеюсь, и тебе. Теперь всю свою жизнь я буду помнить тебя, а ты меня. Это честно. И еще... Знаешь... Ты вел всегда себя достойно, хочу чтобы у тебя осталась обо мне тоже хорошая память.

– Ну, Настя, такой неожиданный сюрприз. А что нам вместе уже никак нельзя? Давай постепенно. Зачем так сразу? Нам же хорошо с тобой было сегодня. Давай еще побудем вместе. Может быть, ты еще передумаешь?

– Нет, Витенька, все решено. Сегодня. Я тебе еще не сказала, что я познакомилась с молодым человеком, и мы, похоже, любим друг в друга. Не так, как мы с тобой. По-взрослому. Он старше тебя, заканчивает мореходку. И он расстраивается, что я держу его на дистанции. А я не могла. Я чувствовала ответственность перед тобой. Теперь я свободна. Его зовут Павел. Он хороший. И он, знаешь... В общем, мужик, настоящий. Скорее всего, мы скоро поженимся. С ним я готова хоть на край света. Короче, с ним я хочу создать семью. Всю оставшуюся ночь они разговаривали. Виктор попытался понять Настю. Так могла поступить только сильная личность. Смело и открыто. Благородно? А, может, практично? Виктор понял, что они разные люди, и пути их, действительно, расходятся. Расходятся без обид. Без обид? Да нет, обида оставалась. Глубоко в душе. Чувство глубокой безвозвратной потери и несправедливости. Ведь он честно ждал встречи и надеялся на взаимность.

Расстроеным и опустошенным покидал Виктор дом Насти в то странное утро. После ночи их любви, и после такого неожиданного расставания. Расставания навсегда. Тогда никто из них не мог предположить, что их судьбам предназначено вновь пересечься в обстоятельствах весьма необычных.

Расстались мирно, но уже, как чужие люди. Удивительно, как быстро люди переходят через грань: свой-чужой. Как бывает в жизни? Вот парень и девушка могут быть знакомы между собой несколько лет. Симпатизируют друг другу. Встречаются регулярно, но долго остаются просто знакомыми. Соблюдают установленную рамками приличия дистанцию.

В один прекрасный вечер что-то происходит в окружающем мире. То ли особое расположение небесных светил, то ли особый аромат весеннего воздуха настраивает их сердца в общий тон, и приходит НЕЧТО. То, что приводит их в объятия друг друга. СЛУЧАЙ или СУДЬБА? И два человека, до сих пор лишь просто симпатизирующие друг другу, в один час проходят огромную дистанцию – от робкого прикосновения до жарких объятий с интимным продолжением. В один миг они становятся своими близкими и дорогими людьми.

Или, вот такой ещё вариант. Ухаживает парень за девушкой, годами добивается ее благосклонности. Наконец, получает её – она допускает его к себе. Как говорится, отдает себя ему. И в их отношениях сразу меняется всё. Исчезает некий барьер, барьер условностей. Назавтра он может смело рассчитывать на такую же благосклонность без всякого расположения звёзд на небе. И эта новая ситуация иногда открывает в парне другую, скрытую ранее, черту характера: «Ну, все, я за тобой отухаживал – теперь ты моя, так что без лишнего выпендрежа – давай, ложись».

Или обратный случай: были друзья в доску. И вдруг: случается предательство. И всё! В один миг – враги на всю жизнь.

Такого вот рода мысли в голове. Неожиданно появляется Женька Зяблев. Еще издали орет:

– Ты где пропадаешь, я тебя сутки ищу?

– Ты меня ищешь? Это я тебя ищу! Тут у меня история. Короче, нужно срочно выпить. Купили бутылку и – в пивную. Выпили. Виктор душу стал изливать:

– Вот, не дождалась, кого-то нашла, меня бортанула. – Конечно, про прощальный интим – ни слова. С Настей они условились строго – тайну сию сохранить.

– Главное, что обидно? Я целый год в училище ни с одной девчонкой даже не разговаривал. На танцах ни разу не был! А она, значит, там знакомилась, с ребятами крутила. – Женька смеется:

– А, ты что хотел? Чтобы она весь год сидела, как затворница? Не будь идиотом!

– Все же обидно.

– Не дрейфь: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло». Хочешь, познакомлю на отпуск или – как получится?

– Нет, Женя, я потосковать должен. – К этому времени оба уже вышли на уровень кондиции, и Виктору стало себя очень жаль – просто жутко как жаль. – Я думал, а она... Я же не какой-нибудь. Я еще летать буду... А она – стандартный ход.

– Будешь, Витек, летать, будешь. – И запел: «Мы с тобою писем ждем крылатых, вспоминаем девушек знакомых. Это ничего, что мы солдаты, далеко с тобой ушли от дома». Виктор подхватил:

«Будет еще небо голубое, будут еще в парках карусели. Это ничего, что мы с тобою, Женя, до войны жениться не успели». Туалета, как всегда, в пивной не было. Пришлось расположиться за углом пивной. Судя по характерному «амбрэ» и грязи, здесь постоянно справляли нужду, (слава богу, исключительно малую) любители народного напитка.

Не прошло и получаса как соратники неожиданно осознали, что требуется добавить. Денег наскребли только на бутылку. Виктор потребовал выкроить еще на сосиску и четвертушку чёрного. Вместо водки пришлось брать портвейн – три семерки.

Друзья пристроились в скверике на подвернувшейся металлической конструкции, одновременно напоминающей антикварный элемент садового интерьера эпохи Людовика шестнадцатого и останки гвардейского миномета второй мировой. На этом, явно историческом месте на Виктора сошла благодать, пришло успокоение вместе с мудрой мыслью:

– Подожди, у меня тост. Знаешь, хорошо, что мы с Настюхой (теперь он ее стал звать исключительно так) разошлись. У нас же совершенно разные характеры.

Представляешь, она говорит: «У нас план». У них уже план! Он, мол, заканчивает мореходку, она – медицинский. И их обещают устроить вместе на судно. Понимаешь? Все продумано. Практично. И цинично! Нет, мне такая жена не нужна. Мне нужна боевая подруга – простая, чтобы всегда со мной. И чтобы меня слушала, а не строила какие-то хитрые планы. Так, выпьем же за своих будущих боевых подруг! Выпили. Стоя с серьёзными лицами.

– Молодец, Витя. Вот теперь я тебя узнаю. Да! Вспомнил! Я чего тебя искал? Полкана видел, он нас с тобой приглашал на субботу. Там в спортзале какой-то юбилей, будут показательные бои. Очень просил прийти, поучаствовать. Полкан – это наш тренер. Кличка эта давно за ним закрепилась. То ли от имени – Поликарп Кондратьевич. То ли от звания его – полковник милиции. Полкан – звали за глаза. А так, уважительно – Кондратич.

Выпили в тот вечер хорошо. Тем не менее, домой Виктор добрался в умиротворенном расположении духа и спал хорошо. А утром вместе со снятой пивом утренней головной болью ушла и жалость к себе, и досада.

В субботу они пришли в спортзал. Встретили их, как родных. Полкан просто светился счастьем:

– Ну, спасибо, ребята, уважили! А выросли то как! Ты, Витя, был у меня в первом полу-среднем с запасом, теперь, наверное, и в средний с трудом войдешь. Тренировались в училище? Ребята переглянулись и засмеялись:

– Не регулярно, Кондратич. Но продуктивно.

– Проведете сегодня показательный бой перед молодежью?

– Между собой? Или хотите подставить нас какой-нибудь вашей новой восходящей звезде? Не иначе у вас таковая имеется?

– Да есть паренек. В мастера метит. Пока работает по первому. В твоём, между прочим, Витя, бывшем весе. Может, Виктор, попробуешь? Два раунда. Показательный бой. Предупрежу, чтобы аккуратно.

– Давай, Кондратич, побалуемся. Можешь не предупреждать. Раз показательный, значит, технику будем показывать, а не драку. Через сколько гонг?

– Да по готовности, Виктор, по готовности. Он, собственно, ждёт тебя. Пойдем, познакомимся.

Паренек оказался плотным крепышом. Смущенно протянул руку, представился:

– Сеня.

– Ну, что, Сеня, разомнемся? Вижу, силенка у тебя имеется. Не стесняйся. Будем показывать бой настоящий. Понарошку не интересно. Согласен?

– Подходит.

Виктор заранее представил себе картину боя. Парень цену себе знает, но будет осторожен – обо мне от Полкана слышал. Значит, начнет аккуратно. Защитный вариант. Тут я ему подыграю – буду легко атаковать, но без напора, просто держать на дистанции. В середине раунда он начнет меня прощупывать – попробует вылазки в ближний бой. Опять подыграю – дам пару раз пройти, без контратак. Держу глухую защиту. По первому раунду у него впечатление сложится о преимуществе. Публика будет довольна.

Второй раунд Сеня начнет решительно, поскольку почувствует, что может выиграть. С моей стороны – снова глухая защита. А когда он уверует, что полностью ведет бой, я включуюсь и сыграю на опережение. Проведу контратакующую серию с несильными, но акцентированными ударами. И отход. Дальше – в зависимости от результата, но бой уже буду вести я. Показательно, на технику.

Полтора раунда бой проходил в точности с прогнозируемым Виктором сценарием. Но вот, когда в середине второго раунда Виктор провел подготовленную контратакующую серию, Сеня ситуацию оценил неверно – как случайную. Тут же полез вперед – пришлось вновь его жестко остановить. Потом еще раз, и Сеня поплыл. Виктор аккуратно довел бой до конца, стараясь не нанести нокаутирующий удар, поскольку Сеня стал раз за разом подставляться.

В целом, бой получился. Зрители и Полкан были довольны. Полкан шепнул на ухо Виктору:

– Молодец. Давно я хотел, чтобы его кто-нибудь поучил слегка, зазнается парень. – А Сеня расстроился:

– И как тебе удалось перехватить инициативу? Весь бой я вел, осталось чуток и – концовка. – Виктор загадочно улыбнулся:

– Кондратича больше слушай. По себе знаю: когда приходит чувство, что уже что-то можешь, слова тренера начинаешь мимо ушей пропускать. Техника у тебя в порядке. А по части тактики и стратегии, Кондратич тебе наш бой разложит по полочкам. Но в принципе, ты боец. В боксе, да и не только – это главное. Так, что – удачи тебе, Сеня!

Подошел Женька:

– И как ты удержался, чтобы ему не врезать? Как он на тебя попёр, нахал!

– Да ты что Женья? Бой то ведь не реальный – показательный! Если он парень умный, то, все, что я показывал, поймет. Полкан подскажет.

Женька сказал, что куда-то спешит и умотал. А Виктора бой умотал. Он давно не тренировался. Хорошо, что мудрый Полкан остановился только на двух раундах. На большее сил бы уже не хватило. Виктор разделся, взял полотенце и расслаблено побрел в душевые.

Проход из мужской раздевалки в душевые начинался за левым поворотом коридора. Повернув, он вдруг едва не столкнулся... Сначала он увидел узкие ступни ног с наманежурными ногтями. Подняв глаза, – обомлел. Перед ним стояла стройная, спортивного вида девушка. Если для сокрытия тех или иных недостатков фигуры женский пол умело пользуется предметами женского туалета, покроем одежды, то настоящую красоту можно оценить, лишь убрав все лишнее. Что-то подобное у него промелькнуло в голове, когда он увидел ее. Ладно скроенную по всем законам естественной гармонии молодого женского тела. Лишь лоскут ткани едва прикрывал сокровенное место тела, покрытого густым золотистым загаром. Девушка выглядела столь ослепительно, что у Виктора случился ступор. Он тупо уставился на незнакомку и окаменел. Девушка не смутилась – стояла и улыбалась. Помахав перед его глазами рукой, попыталась оживить:

– Эй, отомри! Ты, что, никогда не видел девочек? Такой большой, пора бы. Будь проще, и народ к тебе потянется! Да тебе, наверное, нужен душ, мужской душ? – Он, молча закивал, не смея смотреть ей в глаза. Она продолжала стоять спокойно, предоставляя ему возможность любоваться собой и потешаясь над его оглупевшим видом.

Затем также невозмутимо произнесла:

– Поворачивай, если сможешь, хи-хи, назад, через два метра повернешь влево. Ты, просто прошел поворот, ведущий в мужской душ. Наверное, давно здесь не был. Теперь мужской душ там, где раньше был женский. Вдогонку крикнула:

– Знакомиться будем потом, подожди меня после душа на выходе.

Они познакомились. Света была волейболисткой и выступала за сборную юношескую команду Запорожья. А здесь как раз проходил чемпионат Украины. Команда проиграла в полуфинале и участницам соревнований теперь представились два дня свободной жизни. Смотрела его бой. Поняла, что он играл с соперником, «как кот с мышью»:

– Ты, что, мастер спорта?

– Первый разряд, но я старше и опытнее. Я курсант авиационного училища. Сейчас в отпуске. А бокс, так – хобби.

Они, как-то сразу почувствовали родственность душ. И их души просили общения. Вдруг она спросила:

– У тебя здесь есть девушка? Нет? Знаешь, в вашем городе я тоже никого не знаю. Давай сегодня я буду твоей девушкой. А ты пригласи меня куда-нибудь. У меня деньги есть, пойдём в ресторан?

– В ресторан? С удовольствием! Только, к сожалению, у меня с деньгами... Подумалось: «Вот дураки, тогда с Женькой все пропили» – Не гоже, когда приглашает девушка. Будем считать, что ты приглашаешь меня взаймы. Все следующие разы – за мной.

Вечер получился. Они много разговаривали, танцевали. Виктор давно не чувствовал себя таким спокойным и умиротворенным. Он проводил ее до гостиницы. Перед тем как расстаться, мучительно соображал: поцеловать – не поцеловать. Она сама приникла к нему:

– Пойдем ко мне? – После несложной комбинации с отвлечением консьержки они прошли на нужный этаж. Здесь сидела дежурная по этажу. Света шепнула ей на ухо необходимые слова, и они прошли в номер. Номер был двухместный. Света сняла обувь, бросила Виктору:

– Располагайся, а я приму душ, переоденусь.

– А как же... Он кивнул на вторую кровать, имея в виду, что в комнате должны проживать двое.

– Это уже не твоя забота. Не забыл, что сегодня я твоя девушка? – добавила: – на целые сутки!

И они нырнули в ночь, как в омут. В ночь нежданного блаженного безумия. Обнявшись, они не отпускали друг друга до утра. Виктор, проваливаясь в короткий сон, продолжал удерживать ее руку. Он впервые познал настоящее счастье близости с женщиной и упивался им

волю. С Настей было совсем по-другому. Недоставало полной открытости, наверное, безумия. Света уже имела некоторый опыт. Вела себя совершенно свободно и естественно. И он на это откликнулся тем же. Сумасшедшая ночь прошла быстро и при расставании их охватила искренняя грусть. К утру он уже признавался ей в любви и готов был провожать ее в родное Запорожье. Света еле отговорила его:

– Затоскуешь – напиши, – и оставила свой адрес. Ему было удивительно, но он не затосковал. Все произошло неожиданно быстро и как-то просто. Почти по-деловому. Период знакомства, ухаживания оказался слишком коротким. Тело ликовало, но в душе зарубки не осталось.

Вдохнув в отпуске глоток вольной жизни, в училище Виктор возвращался с большой неохотой. Когда оказался за забором, навалилась тоска. Приехали и остальные ребята. У всех подавленное настроение – снова казарменная, почти тюремная, жизнь. За пятнадцать минут до контрольного срока появился Генка – бодрый и веселый:

– Что, соколики, приуныли? Радоваться надо, теперь мы – выпускной курс. Это нужно отметить. Что бы вы без меня делали? После отбоя подползайте с закуской. – Генка умудрился притащить две бутылки самогона:

– Первач высшей пробы. Дед специально для сталинских соколят варил. Сам дед всю войну прошел авиамехаником. Летунов звал сталинскими соколами, а технарей – соколятами.

Командир роты Земков, почувствовав, что у курсантов после их отпуска появился некий дух вольности, решил закрутить гайки. Повод нашелся быстро. Обычно раз в месяц каждый взвод участвовал в хозяйственных работах. Чаще всего посылали на железнодорожную станцию, где требовалось разгрузить вагон угля. Почему-то такая работа выполнялась исключительно по ночам. Возможно, считалось неприличным показывать населению курсантов, выполняющих тяжелую грязную работу. В этот раз оказалось, что под разгрузку был подан не один вагон, а два – пришлось выполнять двойную норму. Если обычно часам к четверем утра работа заканчивалась и удавалось до завтрака несколько часов поспать, то в этот раз курсанты вернулись в казарму только к восьми утра. Вернулись уставшими, голодными и злыми.

Поступила команда:

– Умыться, переодеться и через десять минут построение на завтрак. В ответ недовольный ропот: «Дай передохнуть. Что за спешка?» Однако Хвэдя был неумолим:

– Отставить разговоры! Через десять минут построение.

Построились. Появляется сам Земков. Командует:

– На право! Шагом марш! Запевай!

Такой был заведен порядок: почти все передвижения строем должны производиться «с песней». Для этого в каждом взводе существовал штатный «запевала». У нас эту роль выполнял Сашка Бородин. Он заворчал. Тихо, но внятно:

– Он, что, охренел? Не то, что петь – жрать не хочется! Все же затянул:

«Там, где пехота не пройдет... (аь-два), где бронепоезд не промчится... (аь-два), угрюмый танк не проползет... (аь-два), там пролетит стальная птица».

Припев должны бодро подхватить остальные. Остальные молчат. Сашка вновь солирует: «Там, где пехота не пройдет... (аь-два), где бронепоезд не промчится... (аь-два), угрюмый танк не проползет... (аь-два), там пролетит стальная птица».

Новая команда Земкова:

– Взвод, кругом! На исходную позицию – шагом марш!

Земков возвращал взвод два раза. На третий раз он решил усилить силу воспитательного воздействия:

– Взвод! Разойдись! Через две минуты построение с противогазами! – И погнал взвод на трехкилометровый марш – бросок. В противогазах!

В столовой взвод появился через час. Без песни. Еще более злые и еще более усталые. Земков злорадно усмехался.

А зря! Борьба еще не была окончена. И ребята, стоворившись, выложили свой главный козырь – отказались от еды. Сели за столы, посидели положенное время и, не притронувшись к пище, встали и вышли из столовой. Прибежал дежурный офицер по училищу, попытался уговорить – не бузить и вернуться. Не помогло. Это было ЧП! В армии одно из самых серьезных. Доложили начальнику училища. Он обязан доложить еще выше. Обычная разборка с поиском виновных в этой ситуации ничего не давала – среди курсантов отсутствовал единоличный виновник! Зато он был налицо среди командиров. Слишком много он себе позволил. Нарушены были все нормы – работы, отдыха, сна, питания. Земков получил «предупреждение о не полном служебном соответствии».

После этого Земков с курсантами нашего взвода держал дистанцию. Командовал исключительно через своего взводного – старшего лейтенанта Дроздова, который появился у нас в конце первого курса. Дроздов – широкоплечий крепыш с бледно-голубыми глазами и зычным голосом. Настолько зычным, что когда он включал свои голосовые связки на полную мощность, казалось – воробьи с деревьев посыплются на землю. По крайней мере, когда такое случалось, то курсант Суслик обхватывал свою голову руками и наклонялся к земле. Тем ниже, чем зычнее звучал голос взводного. Суслик получил свою кличку не от своей фамилии – Суслов, а за щуплое телосложение и малый рост, при котором он был вынужден постоянно вытягиваться вверх, словно суслик, охраняющий свою норку от нападения копчика. Суслика не обижали. Парень он был простой, добрый и на редкость наивный. До такой степени, что никакого интереса у любителей позубоскалить не вызывал.

Дроздов же поначалу показался нам мужиком суровым, но справедливым. Когда он объявлял взыскание, обязательно уточнял: «Понятно?». И все разумели, что имелось в виду: «Понятно за что? Справедливо?». И тут уж лучше морду недовольно не корчить. А то, как гаркнет: «Чт-о-о?»

Однако вскоре у него обнаружилась одна странность, связанная с прежней профессиональной деятельностью. А служил он и воевал, как оказалось, в войсковой разведке. Ну, понятно, там главная работа: просочиться через линию фронта, языка взять и тому подобное. Вот и у нас он стал... В общем, как привык. Известно, что, при проверке постов, проверяющий должен подходить к часовому в сопровождении «разводящего» открыто, чтобы тот заранее мог обнаружить их приближение. Не дай бог часового «пугать»! Ночью. Многие стоят на посту и без того напуганные. Карабин часового заряжен боевыми патронами, с испугу может и пальнуть.

Дроздову же нужно было обязательно «просочиться» к часовому незаметно. Обычно он тихо подкрадывался из-за какого-нибудь темного угла, и, неожиданно возникая перед часовым, орал жутким голосом:

– Подъем! Смирно! – если заставал часового дремлющим. Или:

– Ну, что – «Стой, кто идет?» – если часовой хоть и оказывался в состоянии нормального ночного бодрствования, но все же прозевал проникновение «лазутчика».

Случилось это, когда в очередной раз глубокой ночью Дроздов проверял несение службы часовыми. На одном из постов обнаружил, что часовым, а это был Суслик, забравшись в постовую будку, спит. Спит стоя, обнявши карабин. Не долго думая, Дроздов опрокинул будку вместе с Сусликом на землю. «Шутка» могла иметь тяжелые последствия. Шок Суслика с остаточными явлениями психики – само собой. Кроме того, карабин был снаряжен штыком. При падении будки штык мог воткнуться куда угодно – в лицо, в горло. На этот раз все обошлось. Но последствия были ...

Остаточные явления психики Суслика, вызванные глубоким долго переживаемым испугом, трансформировались в навязчивую идею. Идею мести. И вот однажды, глубокой ночью,

Дроздов, как обычно, используя свое мастерство разведчика, незаметно прокрался на территорию поста. Часового на посту видно не было. Зато будка не была пуста. Когда Дроздов, уже подобравшись к будке, приготовился ее опрокидывать на землю, сзади одновременно с характерным звуком затвора, загоняющего боевой патрон в патронник, раздались команды:

– Стой! Ложись! – и тут же прозвучал выстрел.

– Предупредительный! – заорал Суслик, – не двигаться! Следующий – на поражение. – Попытка Дроздова объясниться с часовым ни к чему не привела, она лишь распалила Суслика еще больше, и он с наслаждением продолжал орать:

– Лежать! Буду стрелять! – В караульном помещении выстрела не услышали, и «разводящий» прибыл на пост Суслика только через час. Все это время Дроздов, будучи под прицелом карабина, пролежал, уткнувшись носом в землю и боясь пошевелиться.

Как ни странно, курсанта даже не наказали. Он притворился сильно напуганным. Что взять с «двинутого?». Кроме того, формально он действовал правильно. Ведь он Дроздова «не узнал» и даже «не мог предположить», что человек, скрытно пробирающийся на территорию поста, мог оказаться его командиром. А то, что свою шинель повесил на гвоздик в будке – так было жарко. И действительно, была весна, и температура даже ночью оставалась выше нуля. После этого случая Дроздов, напроць, «забыл» свои навыки разведчика. Кстати, Суслику он ни словом, ни делом – никак не напоминал о произошедшем. Правильный все-таки мужик.

Когда после приказа о присвоении офицерских званий состоялся выпускной вечер, бывшие курсанты вместе с Сусликом подошли к взводному, типа того – извиниться. Он выпил с ними, как с равными, и даже похвалил Суслика – в том духе, что бывают случаи, когда поступать нужно именно подобным образом, решительно. Пользуясь случаем, ребята попытались разговорить его о службе в разведке. Дроздову эта тема пришлась не по вкусу, он сразу изменил тон разговора:

– Вот вы, ребята, теперь – офицеры. Представляете, что это за профессия? Людей убивать! А кто из вас, свинью может зарезать или, хотя бы, курицу. То-то же! Стрелять по врагу на расстоянии – из карабина или пушки не так уж сложно. Почти – как по мишени. А представьте себе – зарезать ножом. Человека! Лицом к лицу! Это и есть разведка. Война не на расстоянии, а лицом к лицу.

Виктор попробовал представить. Нет, не смог бы. А может быть и смог бы – если по-настоящему встанет вопрос: кто – кого. Ему показалось, что он Дроздова понял – обстоятельства формируют нас – не только навыки, но и психологию, и жесткость, и остальное... И еще: в условиях войны проходят проверку те качества человека, которые определяют его способность выжить. Боевые летчики – истребители рассказывали, что больше половины всех потерь приходилось на летчиков в их первом бою. Первый бой – жестокая проверка: способен воевать и выжить или нет. Остался жив – не только проверку прошел, но и поверил в себя. И познал то, что никаким другим способом познать нельзя. Заглянул в глаза смерти.

Время, проведенное в училище, оказалось не просто потерянным – это время было связано с травмированием психики, чувства собственного достоинства. Именно тогда закладывались истоки понимания курсантами своей «второсортности» и как офицеров, и как профессионалов.

Гл. 6. В авиации, как в авиации

В начале октября 1956 года Виктор окончил училище с дипломом по специальности: «авиационный техник по эксплуатации самолетов и двигателей» и в офицерском звании «техник-лейтенант». Это звание имело налет некой условности: звание, вроде бы, офицерское, но, прежде всего, носящий его – техник. Технар, одним словом. Так технари и называли себя – «техник минус лейтенант».

Впоследствии, когда летчиков из училища стали выпускать с записью в дипломе «летчик – инженер», их между собой также, совершенно справедливо, называли: летчик минус инженер. Как авиационные техники, по своему роду деятельности не были офицерами, так и летчики от одной этой записи не становились инженерами.

Звание «техник» было доминирующим. Полагающееся представление начальству по должности и по званию часто звучало странновато. К примеру: Старший техник – пиротехник младший техник – лейтенант. Для непосвященных – полная бессмыслица. По протоколу же: первые три слова означали должность, вторые три – звание. И погоны у технарей были особые. Если летный состав, как строевые офицеры, носили золотые погоны, то инженерно – технический состав – серебристые.

Таким образом, их второсортность закреплялась вполне официально. Технари шутили: «Что это за войска такие – погоны белые, а рожи – красные». «Рожи» у технарей действительно были красные – зимой от мороза, летом – от знойного солнца. Их рабочим местом был аэродром. В ходу была присказка: «Нормальные люди для того, чтобы подышать свежим воздухом едут по выходным за город, а мы на этом проклятом свежем воздухе – каждый день с раннего утра до позднего вечера. И в зной, и в стужу».

Служить Виктор был направлен в Одесскую воздушную армию. После собеседования в штабе ВВС округа получил назначение в полк, который дислоцированный в центральной части Бессарабии. Самолет МиГ-17 по двигателю и основным самолетным системам мало чем отличался от своего предшественника – МиГ-15, который Виктор знал прекрасно. Аэродром третьего класса. Вместо бетонной ВПП – металлические листы с отверстиями, из которых при посадке самолета вылетают фонтаны грязи. В поселке – тоже грязь. А летом – пыль. Структура почвы такая – смесь чернозема с глиноземом. И грязь от такой структуры особая. Скользящая, и в то же время, вязкая.

Получил зимнее техническое обмундирование: куртка из «чертовой кожи» (плотной брезентовой ткани) с меховым воротником, ватные штаны, валенки с калошами, варежки на меху с одним пальцем. Все – тяжелое и жесткое. Не то, что не побегаешь – в полном зимнем комплекте с трудом ходишь. Зимой технари выглядели как клоуны, да и работать в такой одежде неудобно.

При получении обмундирования на складе Виктор спросил:

– Как в таких варежках работать?

– А они не для работы. Работать будешь голыми руками. А варежки – для того, чтобы руки греть в перерывах.

Разделение на два сорта ощущалось во всем: столовая – летная и техническая. Норма питания, норма выделения жилья – соответственно. Транспорт: для летного состава – автобус, для техников – открытая бортовая машина. Специальная одежда летчиков – кожаные комбинезоны, шерстяное белье и свитер, меховые унты, меховые перчатки. Для техников всего этого жалко – понятно. Хотя шерстяное белье и свитер ведь немного стоят. Допустим, до аэродрома – несколько километров можно и на бортовой машине доехать. Но, разве сложно брезентовый тент соорудить? А скамьи накрыть хотя бы плотной тканью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.